

Рина Лесникова

КОРОЛЕВА
РУБИНОВЫХ
ГРАНЕЙ
Сказки семи камней

18+

Рина Лесникова

Королева рубиновых граней

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48449067

SelfPub; 2019

Аннотация

Эта книга – вторая из цикла "Сказки семи камней". Да, это будут сказки. Короткие сказки для взрослых. Другие у меня не получаются. Лаатая воспитывалась в пансионе для того, чтобы стать достойной женой какому-нибудь провинциальному землевладельцу. Но отец забирает её и везёт ко двору, где вскоре выясняется много интересного о её происхождении. А ещё о том, что её руки просит сам Повелитель рубинового королевства Санах и шесть его {лёккэров}. Кто это такие и что из этого вышло, узнаем вместе.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	52

ПРОЛОГ

Были ли те истории в древности, происходят ли они в нынешнее время, а может только произойдут когда-нибудь, мне сие неведомо. Но то, что я знаю, постараюсь рассказать без прикрас. А уж если и приукрашу, то совсем чуть-чуть. Или не чуть-чуть. Коли знаете правдивее, рассказывайте, а я послушаю.

Хотите верьте, хотите – нет, но среди многих других миров есть и такой мир – Ладея. Доподлинно известно, что есть там семь королевств. Они так и именуются – королевства семи камней. Почему именно так, спросите вы, а всё потому, что в каждом королевстве есть свой особенный камень. Он и есть душа и жизнь того королевства. Пока хранят король и жители того королевства свой священный камень, будет оно богатеть и процветать. А коли уж потеряют или, того хуже, порушат его, то и королевство прахом пойдёт, али подомнут его шустрые соседи.

Пришла пора рассказать вам ещё одну историю.

ГЛАВА 1

– Месс Райтен, мы не забыли, какую важную услугу в своё время вы согласились оказать моему младшему брату Каалету. Королевство всегда благосклонно к своим лояльным подданным. Кажется, первой у вас родилась дочь? – радушно приветствовал король янтарного королевства Таалот Ниянерен своего гостя.

– Да, Ваше величество, – склонившись в глубоком поклоне, подтвердил Легаар Райтен, чуть поноватый псиво-рыжий мужчина лет пятидесяти, – Милостивая Владелица Янтарных Чертогов сразу же благословила наш брак прекрасной девочкой. Моя дочь редкая красавица, ваше величество.

– Это хорошо, месс Райтен. Вы захватили её портрет, как вас попросил мой посланник?

– Вот, вот, ваше величество! – месс Райтен суетливо вытащил из-за пазухи медальон на тонкой цепочке и протянул его своему высокородному собеседнику.

Король раскрыл незатейливую вещицу и принялся внимательно рассматривать изображённую на миниатюре девушку и медовый, с красным отливом локонов волос, помещённый там же под слюдяную пластинку. Таалот долго всматривался в её ещё по детски пухлое личико. Ярко-голубые глаза под тёмно-каштановыми бровями наивно смотрели на мир, прямой, слегка вздёрнутый носик, румяные щёчки и чуть при-

открытые розовые губы вызывали у зрителя желание погладить ребёнка по головке и дать ему леденец.

– Сколько лет девочке на этом портрете? – спросил король после продолжительного молчания.

– Четырнадцать, – опять поклонившись, ответил его посетитель, – это самое последнее изображение моей дочери, ваше величество.

– Скоро ей будет семнадцать, – задумчиво произнёс король, – скажите, месс Райтен, вы можете гарантировать, что и теперь она так же невинна, как на этом портрете?

– Ва-ваше величество, ч-что Вы! Девочка воспитывается в пансионе мессы Латиры! Месса Латира дама очень строгих нравов. Прививает своим воспитанницам любовь к ведению домашнего хозяйства и рукоделию.

– А читать девушка умеет? – подозрительно спросил король.

– И читать, и писать и считать умеет! Как иначе вести домашние книги мужа? Месса Латира готовит превосходных хозяек! – проговорил месс Райтен, а потом, спохватившись, добавил. – Её воспитанницы одинаково прекрасно обучены как вести домашнее хозяйство, так и блистать во дворце, ваше величество!

– Скажите-ка мне ещё одну вещь, месс Райтен, – продолжал допытываться монарх, – а нет ли у вашей дочери каких-нибудь особых знаков на теле?

– Есть, ваше величество. Родинка. М-м-м, простите, ян-

тарного цвета, в виде капли. На... простите ещё раз, ниже спины. О ней никто не знает, кроме жены и меня, ваше величество! Даже сама Лаатая. Наших магических сил не хватило, чтобы её свести, а обращаться к постороннему магу за помощью в этом деле мы не решились. Просто прикрыли её иллюзией.

– Вы всё больше радуете меня своей догадливостью, месс Райтен. Это следует поощрить. Кажется, ваш ближайший сосед, барон Питаар уже стар и потерял надежду произвести на свет наследника мужского пола, а у вас их несколько? Не хотите породниться с ним?

– Но... его дочь немного старше моего самого старшего сына?!

– Значит, не хотите?

– Хочу, хочу, ваше величество! Это ж я просто так, случайно мысль вырвалась! Ну что такое десять лет для любящих сердец? – пошёл на попятную посетитель.

– Вот и я о том же. Привозите вашу девочку ко двору, и если она так же хороша и невинна, как вы уверяете, то я поспособствую помолвке вашего сына с дочерью Питаара.

– Таюшка, какая же ты счастливая! Твой отец забирает тебя отсюда и везёт ко двору! – щебетала подруга Нияра. – А вдруг в тебя влюбится сам принц?

– Ния, – поучительным голосом наставницы Латиры обратилась к ней Лаатая, – принцы влюбляются только в принцесс! – и она поправила воображаемые очки на носу. –

А дочери мелкопоместных дворян выходят замуж за таких же мелкопоместных дворян! Но это не значит, что господа дворяне согласны брать в жёны невоспитанных грязных неумех! – и обе девушки прыснули со смеху. – И потом, Ния, о каких принцах ты говоришь, у короля три дочери!

– О заморских! – не хотела сдаваться подруга. – Вот встретишь на балу прекрасного заморского принца, герцога или вообще короля, и он тут же влюбится в тебя!

– Влюбится, и что? Жён им выбирает камень судьбы!

– Эх, какая ты не романтичная, Тая! Давай хотя бы по мечтаем! О том, как тебя увидит прекрасный принц, тут же влюбится и увезёт в свою волшебную страну и будет там любить тебя до умопомрачения!

– Как-то ты это сейчас зловеще сказала, Ния. Зачем до умопомрачения-то?

– А затем! Говорят, когда сильно любят, ум и меркнет!

– У тебя точно ум уже померк, подружка. Так сильно любишь своего Таарона?

– Да. Я люблю своего Таарончика, но я не о том умопомрачении, Тая, а о том, когда ночью, в постели. Ну, ты понимаешь?

– Тише ты, болтушка! Будет тебе умопомрачительная ночь в углу классной комнаты на коленях! Давно на горохе не стояла?!

И Лаатая принялась по новой переключивать своё немногочисленное имущество. Пара нижних рубашек, пара длин-

ных панталон и серое шерстяное платье с высоким воротником стоечкой, который разрешалось украшать скромным белым или светло-серым кружевом собственного изготовления, этот наряд считался праздничным. Немного темнее по цвету и из более дешёвого сукна скромные платья были надеты на девушках сейчас. Вот и всё. Ещё в качестве прощального подарка месса Латира, директриса их пансиона для благородных девиц, подарила Лаатае, как и всем выпускницам до неё, поучительную брошюру собственного авторства, содержащую все самые ценные сведения о том, как надлежит вести себя воспитаннице столь высоконравственного заведения после того, как она покинет его стены.

Нияра уже бегло пролистала эту многомудрую книжицу, в надежде обнаружить там советы, как вести себя с мужем после свадьбы. Советы были. Но всё о том же, чему их учили долгие восемь лет. "Слушайся во всём отца, а после свадьбы мужа своего. Веди хозяйство в доме его. В строгости держи детей и домочадцев его". А о том, как же этих детей заполнить, не было сказано ни слова. Девушки обернули ценное издание в красивую обёрточную бумагу, зная, что такое внимание к сему труду польстит их директриссе.

Подруга в последний раз обняла Лаатаю, пожелала ей найти самого сногшибательного в мире принца и убежала на занятия по садоводству, а проще говоря, пропалывать грядки в огороде директрисы Латиры. Лаатая осталась одна в спальне, которую она на протяжении восьми лет делила с ещё де-

влятью девочками разного возраста, родители которых сочли пансион мессы Латиры лучшим местом для воспитания их дочерей.

Никогда, даже ночью, когда было слышно лёгкое дыхание подруг, в комнате не было такой тишины. Не смеялись близняшки Тайя и Майя, не хрустела сухариком полная Ваанетта, не брюзжала вечно недовольная Риизелла. Одиночество пугало, давило. Лаатая уже жалела, что отец забирает её из пансиона. Да, месса Латира строга. Да, частенько девочки укладывались спать голодными. Да, нравоучения мессы Латиры о том, какой должна быть добронравная жена, порядком надоели, но... это был привычный мир. Единственный, который знала и помнила девушка. И вот отец увозит её. Не домой, в их отдалённое поместье на берегу моря, где она не была долгие восемь лет, а сразу в столицу. Неужели подыскал ей достойного жениха?

Когда отчаяние ожидания достигло пика, в коридоре слышался звук приближающихся шагов. Лаатая без труда узнала мессу Палею. Так и виделось, как сухая и прямая, как жердь наставница с вечно недовольно поджатыми губами и безупречным пучком на голове мелко семенит по длинному холодному коридору, зорко рыская своими глазами в поисках нарушителей дисциплины. Вот сейчас резко откроется дверь, и она отругает девушку за то, что она прогуливает важнейшее занятие по садоводству.

Дверь открылась, и вошла месса Палея. Всё как всегда. Строгое серое платье с небольшой серебряной брошью, идеально прямая спина, из пучка на затылке не выбивается ни единой волосинки. Вот только... что это у неё на лице? Неужели она так улыбается? Как будто какой-то шутник-скульптор изваял улыбку на лице статуи богини возмездия.

– Лаатая, милая, ты уже собралась? – ележно начала она разговор, отчего девушка впала в полный ступор и только смогла кивнуть головой в ответ. – Твой папа уже ждёт тебя, чтобы забрать и отвезти в столицу. Мы все уверены, что ты и там будешь помнить о том, где ты воспитывалась, и не посрамишь славное имя пансиона мессы Латиры.

Лаатая опять согласно кивнула головой, подхватила баульчик со своими скромными вещами, крепко прижала к груди подаренную брошюру и вышла из комнаты следом за наставницей. Месса Палея провела её в святая святых пансиона – кабинет директрисы Латиры. Там, развалившись в одном из гостевых кресел и попивая янтарную жидкость из округлого бокала, уже поджидал её отец, месс Легаар Райтен, а месса Латира преданно сверлила его взглядом.

– ... Да, сам король пригласил мою девочку ко двору, – продолжал вещать папа. – Более того, он лично попросил у барона Питаара руки его старшей дочери для моего наследника Реесана. Идë-ёт, идëт в гору род Райтенов. Вы ещё много услышите о нас!

Лаатая присела в полагающемся книксене перед директрисой и скромно замерла у двери.

– Дочка, можешь больше не приседать перед низшими сословиями. Запомни, тебя призвал сам король! Ты возносишься на вершину. Пусть теперь они тебе кланяются, – покровительственно сказал ей отец, поднялся из кресла, допил содержимое бокала и небрежно поставил его на безупречную стопку бумаг на столе директрисы Латиры, которая с кривой улыбкой стерпела столь вопиющее нарушение.

Отец величественно, как будто это его король призвал ко двору как минимум личным советником, направился на выход. Директриса, угодливо пропустив Лаатаю вслед за ним, почтительно семенила чуть позади.

До сих пор девушка не вымолвила ни слова. Во-первых, и это главное, её ни о чём не спрашивали, а во-вторых, слов просто не было! Строгая, величественная, как корабль, месса Латира угодливо пресмыкалась перед её папой! Она со всеми родителями так? Или папа действительно стал большой шишкой при дворе?! А может... и вправду руки Лаатаи попросил прекрасный принц? Но у короля только девочки. Неужели... король решил женить своего беспутного брата, слухи о похождениях которого доходили даже до их закрытого пансиона. Да нет, тому уже далеко за тридцать, совсем старик. А, кстати, что папа сказал насчёт обручения братика Реси и наследницы Питаара?

– Папа, – решила спросить девушка после того, как они

уселись в старенькую папину карету, – сколько лет невесте Реси?

– Немногим более двадцати. – снисходительно ответил отец. – Замечательная выйдет пара, скажу я тебе. К тому же барон уже стар и болен. Должен же кто-то приглядеть за его владениями. Я думаю, что мне это будет по плечу, – самодовольно добавил он.

– Папа! Но Реси исполнилось всего пятнадцать!

– И что? Только поэтому нужно отказываться от баронства?

– А... но как же любовь, папа?!

– Забудь такие глупые слова, дурёха! – прикрикнул на неё месс Райтен. – Начитаетесь всякой дряни, палками потом выбивать приходится!

Лаатая вспомнила зачастую красное от слёз лицо матери и тщательно замазанные синяки на нём. То, как мамочка всегда сжималась, если отец находился рядом, как она всегда старалась прикрыть старшую дочь собой, как подставляла себя под удары пьяного мужа, предназначавшиеся маленькой девочке. Как убеждала малышку, что в пансионе ей будет лучше. Значит, мама просто начиталась глупых книжек о любви и поверила им. Никогда, никогда Лаатая не возьмёт в руки эти грязные книжки! Зачем читать о том, чего нет и быть не может. Отец решил судьбу малыша Реесана, хотя какой он малыш, пятнадцать лет, небось уже больше её, старшей сестры! Теперь решит и её судьбу. Вот бы попался доб-

рый жених, чтобы не обижал, а лучше, чтобы сразу же уехал на какую-нибудь войну, и там и остался... или был настолько старый, что быстро умер. А, может, не так уж и плох младший брат короля Каалет? Достаточно стар, и терпеть его придётся недолго. Лаатая вздохнула и крепче прижала к груди брошюру мессы Латиры.

– А ну, что у тебя там, дай проверю! – и отец выхватил книжицу из рук.

Он брезгливо листал опус с нравоучениями и презрительно морщился, затем отодвинул пропылённую шторку и выкинул брошюрку в окошко.

– Смирение, благовоспитанность, послушание... надеюсь, не только для этого призывает тебя сам король! Под кого подложит... да что там, приедем и всё узнаем!

Ночевать остановились на постоялом дворе. Отец провёл Лаатаю в комнату с единственной большой кроватью, заявил, что ночевать они будут вместе, так дешевле, велел дожидаться ужина и вышел из комнаты.

Вскоре расторопная служанка принесла поднос с ужином. Тарелка наваристого овощного рагу с мясом, мягкая лепёшка и стакан настоящего, не снятого, как в пансионе, молока. Давно девушка так не пиновала, она даже не смогла съесть и половины. После ужина заняться было совершенно нечем, даже той занудной брошюрки, которая бы сгодилась для того, чтобы скоротать вечер и побыстрее заснуть, у неё теперь

не было. Поштопать одежду? Но её вещи в полном порядке. А может, стоит подлатать папины вещи? С такими мыслями она раскрыла отцовский саквояж. Сверху лежала аккуратно сложенная рубашка, Лаатая внимательно осмотрела её. Рубашка была новой и в починке не нуждалась. Девушка хотела проверить следующую вещь, как вдруг взгляд зацепился за гладкий чёрный шёлковый шарф, в который было что-то завернуто. Папина помощница слегка тряхнула его, и на колени выпали странные вещи. Первой в глаза бросилась плётка с крепко затянутыми узелками по всей длине и прикреплённым свинцовым шариком на конце. Зачем в отцовском саквояже плеть? У них же есть кучер? И эта плеть слишком мала для понукания лошадей? Рядом с плетью лежали браслеты, к которым были присоединены тонкие длинные цепочки. Два побольше и два немного меньше. Не ошейники, это точно, да и такие слабенькие цепи не удержат собак. Для кого же всё это? Лаатая решила не испытывать судьбу, завернула всё обратно в шарф, который и уложила на прежнее место, а сверху так же аккуратно уложила рубашку.

Делать было совершенно нечего, за окном давно потемнело, и Лаатая, как прилежная пансионерка, привыкшая рано ложиться и рано вставать, решила лечь спать, хоть она и достаточно выспалась в дороге. Девушка сняла своё платье, оставшись в длинной рубашке и таких же длинных, до щиколоток панталонах. Затем, закрывшись изнутри на замок, быстро сбросила их и протёрла тело мягкой тряпицей, смачивая

её остывшей водой из таза, предназначенного для этих целей. Подумав, она надела свежие панталоны, а прежние простирнула в оставшейся воде и повесила их на спинке колченогого стула, стоящего около окна. Затем забралась под одеяло и незаметно для себя крепко заснула.

Проснулась Лаатая оттого, что почувствовала, как её левую ногу у щиколотки обмотали чем-то плотным и тянут вниз и немного в сторону. Она попыталась дёрнуться, но оказалось, что обе руки и правая нога крепко привязаны к прикроватным столбикам. Девушка попробовала освободиться и пнуть того, кто пыхтел в изножии кровати, но там что-то щёлкнуло, и её левая нога тоже лишилась свободы манёвра. Она поняла, что лицо полностью замотано плотной тканью. Продолжая извиваться, Лаатая глухо позвала:

– Папа!

– Тихо! Не ори, дура, а то заткну рот! – раздался голос отца.

– Папа? – удивлённо произнесла девушка.

– Папа, папа, – хрипло ответил он. – Полежи немного так, я должен проверить сам, что же я везу королю, достойный ли подарок, а вдруг у тебя есть какой-нибудь незамеченный ранее изъян, и король потом будет на меня гневаться.

– Папа, развяжи меня, мне страшно, папа!

– Тебе нечего бояться, моя малышка, это же я, твой папка, – продолжал взволнованно шептать отец, и Лаатая почув-

ствовала, как он подползает к изголовью, одновременно задирая подол её длинной рубахи. – Все отцы так делают, доченька, перед тем, как отдать свою кровиночку в другие руки, я должен убедиться, что предлагаю королю наилучший товар!

Его рука медленно поднималась вверх по телу девушки, он совсем задрал рубашку, накинув её на голову дочери. Лаатая почувствовала, как трясущиеся пальцы обводят её грудь, приближаясь к её соску, затем он ущипнул сосок так, что девушка вскрикнула.

– Папа, не надо, – сквозь слёзы попросила она.

– Я действую согласно наставлениям, которые нам выдали в брошюре для юных кавалеров, – каркаяще рассмеялся он, – будем ласкать твои сосочки, пока они не затвердеют, непослушная девчонка!

И девушка почувствовала, как её грудь лизнули, затем другую, а потом впились в неё губами, затем довольно ощутимо укусили, одновременно Легаар грубо мял её другую грудь, а его вторая рука потянулась вниз, проникая под завязки панталон. Его хриплое дыхание, переходящее в пугающий рык, перекрывало жалобный скулёж девушки.

– Папа, папа, прошу тебя, не надо, – сквозь слёзы шептала она.

– Ты такая же порочная как и твоя мать! Ты обязана отдать мне то, что я не получил от неё, – бессвязно бормотал он, беспорядочно шаря руками по телу Лаатаи.

Всё чаще его руки останавливались в районе промежности девушки, грубо надавливая на неё и стараясь протолкнуть палец сквозь панталоны вовнутрь. Затем Лаатая почувствовала у живота холод металла и услышала, как трещит ткань разрезаемых кинжалом панталон.

– Зачем, папа, зачем?! – уже в голос рыдала девушка.

– За грехи. За грехи твоей матери, за твои грехи и грехи всего вашего женского племени! – бормотал обезумевший мужчина, разрезая и вторую штанину. – Идеальное тело! Молодое! Аппетитное! Это ты виновата! Развалилась в моей постели! – и его руки стали жадно оглаживать ноги девушки, всё чаще останавливаясь между бёдер, проводя пальцами там, где она сама стеснялась даже мыть себя.

– Развратная девка, проси, проси меня!

– О чём, папа? – смогла выдавить сквозь слёзы Лаатая.

– Повторяй! "Войди в меня, мой господин!"

– Зачем?!

И тут ноги девушки обжёг удар плётки.

– Что я тебе велел!

– Войди в меня, мой господин! – прорыдала она.

– Не проси, развратная тварь! Не для того я тебя растил!

Ночи у твоей кровати не спал, платил за обучение! – разошёлся Райтен. – Я должен доставить тебя королю в целости!

Разве что...

И он навалился на неё своим грузным телом, Лаатая поняла, что он абсолютно голый. Райтен начал тереться об её жи-

вот чем-то твёрдым, затем, немного попыхтев, приподнялся, сжал её груди руками и продолжил двигать этим между них, иногда задевая мягким навершием о подбородок девушки. Лаатая брезгливо отворачивала лицо в сторону, продолжая тихонько всхлипывать. Вскоре его движения участились, мужчина тоненько застонал, и на девушку пролилась тёплая жидкость, которую он с облегчённым стоном размазал по её груди.

– Ничего-то ты не можешь! – злобно произнёс он напоследок, набросил на неё одеяло и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

Пришёл Райтен только под утро. От него резко пахло вином и ещё чем-то сладковато-неприятным. Он отвязал затёкшие руки и ноги девушки, велел ей быстро собираться и опять вышел. Лаатая кое-как содрала с лица тот самый шёлковый шарф, затем долго растирала ставшие непослушными руки и ноги и быстро оделась. Служанка принесла завтрак, но есть совершенно не хотелось. У неё не укладывалось в голове, как же так, неужели каждая девушка подвергается такому? Для чего? И почему Райтен – язык больше не поворачивался называть его отцом – говорил те злые слова? Какой грех? Её милая мама, всегда такая тихая, незаметная в его присутствии. Неужели он её избивал? Той самой плёткой, след от которой до сих пор горел на ногах девушки.

Дверь отворилась, и вошёл тот, кого Лаатая считала сво-

им отцом. Она сжалась и постаралась стать как можно незаметнее, совсем, как мама.

– Проговоришься кому о том, что ты устроила этой ночью, ославлю тебя на весь королевский дворец и продам в бордель! Идём, – угрюмо сказал он и, подхватив саквояж со своими вещами, вышел из комнаты.

Лаатая последовала за ним. Ей казалось, что все начнут показывать на неё пальцами и кричать: "Порочная!" Девушка низко опустила голову и быстро шла к выходу, каждую секунду ожидая злобных выкриков, но заспанные слуги и немногочисленные в это время постояльцы занимались каждый своими делами, и их совершенно не интересовал старый развратник, путешествующий с молоденькой девушкой.

В карете она забилась в противоположный от мужчины угол и затихла там, прикрыв глаза. Лаатая не хотела видеть этого извращенца. Она могла только надеяться, что его проверка закончилась, и больше такой стыд никогда не повторится.

– Чего ты так боишься? – начал разговор Райтен. – Эта глупая гусыня директриса Латира научила тебя, как быть полезной своему господину днём и совсем не подготовила к тому, что вы обязаны делать для него ночью! Я бы научил тебя тому, как следует ублажать своего мужа и господина, но короля интересует твоя невинность. Интересно, для кого он тебя прочит? Ну, не наше это дело, наше дело доставить тебя его величеству и получить причитающееся вознаграждение.

А то, что ты такая же ледышка, как и твоя мать, не моя в том вина, а Каалета Ниянерена! – и мужчина злобно выругался.

Лаатае очень хотелось узнать, в чём и почему он обвиняет беспутного младшего брата короля, но страх перед этим человеком, открывшимся с совершенно новой стороны, отбивал напрочь желание задавать какие бы то ни было вопросы.

Днём они остановились в придорожном деревенском трактире, где дородная подавальщица, призывно виляя могучими бёдрами, принесла им полную миску горячей каши с огромными кусками мяса, кувшин холодного вина для отца и кучера и морс для девушки. Лаатая, пребывая в полном оцепенении, совершенно не хотела есть, она взяла предложенный морс и стала пить его мелкими глотками.

– Почему не ешь? – недовольно спросил Райтен.

– Не хочется, – шепнула в ответ девушка.

– Как хочешь, за пару дней ничего с тобой не случится! – покладисто согласился он, придвинул к себе всю миску с едой и споро заработал ложкой.

После обеда они продолжили свой путь. Лаатая, так жаждавшая вырваться из надоевших серых стен пансиона, так мечтавшая посмотреть мир вокруг, теперь не замечала ничего. Ни пронзительно синего неба, ни игры стрижей над рекой, ни закидывающих свои сети рыбаков, все эти картины отмечались глазами и проходили мимо её сознания, и уже через час она не могла бы сказать, а была ли та река в действительности или пригрезилась ей в полудрёме.

К вечеру карета завершила на очередной постоялый двор. Райтен вышел из неё и злобно уставился на дочь.

– Выходи! – коротко приказал он.

– Я... я пережду здесь, – просительно произнесла она.

– Выходи, тьма тебя возьми! – злобно зашипел он. – Получишь ты отдельную комнату!

На них уже стали обращать внимание, и Лаатае пришлось выбираться из кареты. Она покорно пошла за Райтеном, с облегчением услышав, как он требует для них две комнаты и, получив ключ, быстро прошмыгнула в свою. Там она сразу же защёлкнула замок, но, вспомнив, что прошлой ночью замок тоже был закрыт изнутри, придвинула к двери массивный комод. Через некоторое время послышался стук в дверь, девушка испуганно сжалась. Стук повторился.

– Мессита, ваш ужин, – раздался из-за двери детский голос.

Есть хотелось, но сил отодвинуть комод уже не было. Да и что подумают там, за дверью, когда она начнёт его двигать?

– Спасибо, я не голодна, – ответила она, – можете сами съесть его.

– Благодарю, мессита, – услышала она ответ, а затем и удаляющийся звук шагов.

За окном собирались тучи, на улице и в комнате стремительно темнело. Лаатая с сомнением осмотрела комнату. Спрятаться здесь было негде. Узкий шкаф, маленький стол, два потёртых стула возле него, выдавший виды комод у двери

и кровать. Слава янтарному свету, без балдахина и ужасных столбиков, к которым можно было бы привязать её. Кровать. Она достаточно высокая, девушка с надеждой заглянула под неё. Немного пыльно, но для её цели сойдёт. Лаатая забрала подушку и одеяло и полезла с ними под кровать, положила подушку в изголовье, завернулась в одеяло и, немного пово-звившись и приглушенно чихнув, затихла. Матрац в пансион-не был ненамного толще её нынешней постели, кровать над головой придавала призрачное чувство защищённости, и де-вушке, несмотря на мучавшее её чувство голода, удалось за-снуть.

Разбудил её громкий стук в двери, на улице едва брезжил рассвет.

– Вставай, засоня, – недовольно ругался из-за двери Рай-тен, – король прислал гонца, велел торопиться!

Спросонья Лаатая пыталась резко подскочить и больно ударилась лбом об днище кровати. Она потёрла ушибленное место, уже понимая, что там наливается здоровенная шиш-ка. Девушка осторожно вылезла из своего убежища, вытащи-ла оттуда постельные принадлежности, сложила их на кроват-и и попыталась привести себя в порядок. Платье, в котором она улеглась спать, сильно помялось, и Лаатая решила надеть своё выходное шерстяное платье со сплетёнными лично ею кружевами, тем более уже сегодня предстояла встреча с его величеством. Наряд был уже слегка коротковат и ощутимо жал подмышками и в груди, но... это было её единственное

приличное платье. Быстро переодевшись, девушка занялась своей причёской и попыталась скрыть ужасную шишку на лбу. Шишка скрываться не желала.

– Долго тебя ещё ждать?! – раздался рёв из-за двери, и Райтен со злобой пнул в дверь ногой.

Лаатая махнула на шишку рукой, подбежала к комоду у двери и со всех сил упёрлась в него. Комод жалобно скрипнул, чуть сдвинулся с места и застрял. Сколько девушка не пыталась вокруг него, поддаваться он не желал.

– Что там у тебя?! – недовольство мужчины нарастало.

– Комод, – пришлось ответить Лаатае.

Райтен всем телом навалился на дверь, та не поддавалась, пока Лаатая не спохватилась и не открыла замок изнутри. Подошедший кучер помог отцу выдавить дверь, и та сдвинулась с места вместе с комодом. Красная, как рак Лаатая проскользнула в образовавшуюся щель и поспешила вслед за спешащими мужчинами, радуясь, что те не стали пристально её разглядывать. Они сразу прошли к карете, забрались в неё, и кучер резво тронул лошадей.

– Сегодня я представлю тебя его величеству, – недовольно начал отец, – могла бы сама догадаться и надеть платье по красивее. Теперь придётся передеваться в карете, – усмехнулся он.

– Это моё самое нарядное платье, – тихо откликнулась девушка.

– Это рублище?! – не поверил Райтен.

– Это платье для торжественных мероприятий, – неуверенно поправила его Лаатая.

Мужчина схватил узелок с её вещами и вывалил всё на пол кареты, брезгливо поворошил бельё ногой, тяжело вздохнул, затем позволил девушке собрать весь её нехитрый скарб.

– Да-а, – протянул он, – ты можешь не приглянуться королю в таком виде. Ну-ка, дай я рассмотрю тебя получше!

Райтен схватил Лаатаю за подбородок и взгляделся в её лицо.

– Эт-то ещё что такое? – воскликнул он, увидев на её лбу наливающуюся шишку, отёк от которой постепенно опускался на правое веко.

– Ушиблась, – пискнула девушка, пытаясь вырваться из крепкого захвата.

– Не-ет, это заговор! Ты с твоей матерью определённо собрались сжить меня со свету! Как я покажу ЭТО, – и он брезгливо повёл в её сторону рукой, – королю и его брату! Не смей лить слёзы! До полной картины не хватает ещё твоего красного носа! Ох-хо-хох, пока пристроишь тебя, сам здоровье потеряешь. Какая же обуза эти дочери! Толи дело Реесан, женится вскоре на дочери старого барона Питаара и принесёт мне на блюдечке всё его баронство! Вот как нужно радовать своего папку, беспутница!

Лаатая тихо сидела в своём углу, отрешённо прикрыв глаза. Она надеялась, что Райтену надоест выдумывать беспоч-

венные обвинения, и он замолчит. А ещё очень хотелось есть, девушка уже не помнила, когда она ела в последний раз. Постепенно чувство голода притупилось, и она впала в ползабытьё, не обращая внимания на продолжающееся ворчание. Впрочем, пусть ворчит, лишь бы не трогал её своими мерзкими жирными руками. Так вскоре и случилось, мужчине надоело попусту беседовать самому с собой, и он замолчал. Сколько продолжалась поездка, Лаатая определить бы не смогла, лишь отметила, что солнце перевалило далеко за полдень и стало клониться к закату. Из оцепенения её вывел голос отца:

– Подъезжаем. Приведи себя в порядок, неряха! Распусти косу! – приказал он, вытаскивая кинжал.

Непослушными руками девушка расплела косу, глядя при этом на отца огромными от ужаса глазами, а он медленно протягивал руку с кинжалом к её лицу. Лаатая перестала дышать, она не смогла бы произнести ни звука, даже если бы от этого зависела её жизнь, а Райтен с садистской усмешкой подхватил прядь её волос у лица и отхватил их по самые брови.

– Вот, – удовлетворённо произнёс он, – теперь заплетай. Попытаемся скрыть твою ужасную шишку на лбу.

Лаатая пробежалась гребнем по волосам и быстро переплела косу. Непривычная чёлка щекотала лоб, но девушка и сама согласилась, что так будет лучше. Может, король не прогонит их из дворца с позором? Ей было страшно возвра-

щаться домой с этим человеком. Человеком, которого она, оказывается, совсем не знала.

Постепенно под колёсами застучала брусчатка столицы Каанеты – Плаасы. Как мечтала Лаатая побывать здесь! И вот она в столице. Сидит в уголке обшарпанной отцовской кареты и сверлит глазами свои колени.

Карета остановилась, и отец вышел. Он отсутствовал около часа и вернулся с юрким молодым человеком, который уселся рядом с кучером и велел гнать лошадей прочь от дворца.

– Недостаточно почётен для них Легаар Райтен, – опять ворчал отец, – погнали к чёрному ходу! Ничего, и это стерпим, лишь бы рассчитались, как обещали.

Карета замедлила ход. Провожатый ловко спрыгнул на землю и пригласил их последовать за ним в незаметную калитку, которую он открыл небольшим ключом. Райтен первый вылез из кареты и галантно предложил Лаатае руку. Девушка испуганно шарахнулась от проявленной любезности, но потом смогла взять себя в руки и, оперевшись на предложенную длань, выбралась наружу. Она успела заметить, что экипаж остановился в безлюдном переулке, ограниченном стенами, поросшими диким виноградом, в калитку одной из которых её спешно завели. Затем они прошли по тенистым дорожкам до небольшого домика, видимо в нём обитал садовник этого чудесного парка. Сопровождающий их человек уверенно, без стука, вошёл в дверь, опять открыв её своим

ключом, пропустил гостей, закрыл дверь изнутри и подошёл к следующей двери и, отперев её очередным ключом из связки, молчаливым кивком головы пригласил гостей следовать за ним, предварительно прихватив с собой чадающую масляную лампу, которая развеяла мрак, таящийся там.

– Ступеньки, – услышала Лаатая краткое предупреждение их провожатого.

Как ни опасалась она неизвестности подземного хода, но не решилась воспользоваться помощью Райтена, уж лучше споткнуться и упасть, тогда появится вполне правдоподобное оправдание шишки на её лбу. А что, это хорошая идея! Девушка сделала вид, что споткнулась и упала на землю.

– Доченька, что с тобой, ты не ушиблась? – к ней мгновенно подскочил заботливый отец.

– Кажется, я ударилась головой, – нерешительно произнесла она, потирая пострадавший ранее лоб.

– Ах, ну как же так, – тут же включился в игру Райтен, – как мы появимся перед его величеством?! Тебе очень больно?

– Ничего, я потерплю, только вот шишка...

– По прибытии вас осмотрит лекарь, – процедил целую фразу их провожатый и продолжил путь.

– Я поддержу тебя, малышка, – произнёс Райтен, после чего крепко, до боли схватил её за предплечье и потащил за собой.

После примерно получасовых блужданий по разветвлён-

ной сети тайных ходов, когда голодная Лаатая окончательно выдохлась бежать за мужчинами, их провожатый в очередной раз достал свою связку ключей и, открыв одним из них очередную незаметную дверцу, впустил гостей в помещение, ярко освещённое последними лучами закатного солнца.

– Ожидайте здесь, – коротко распорядился он и вышел. Послышалось, как снаружи щёлкнул закрывающийся замок.

– Встань здесь! – велел ей Райтен и указал на затемнённое место у пустого камина в дальнем от окна углу.

Лаатая предпочла бы сесть, ноги еле держали её, но она не посмела послушаться и покорно заняла указанное место. Прошло довольно много времени, заполненного тяжёлым молчаливым ожиданием, девушка всё больше нервничала. А вдруг про них забыли? И она навечно останется в комнате с этим ужасным человеком. Интересно, через сколько времени может наступить смерть от голода? Или быстрее можно умереть от жажды? Хотя нет, от жажды им смерть не грозит, на небольшом столике стоит графин с заманчивым содержимым. Может, подойти и попить? Ну уж нет, потом ещё и в туалет захочется, лучше уж всё-таки умереть от жажды, чем с этим...

ГЛАВА 2

За дверью послышались приближающиеся шаги, а затем в замочной скважине повернулся ключ. Дверь широко распахнулась, и в комнату вошли двое мужчин. Легаар Райтен согнулся перед ними в низком поклоне. Лаатая, глядя на него поняла, что в комнату вошёл сам король и тоже, немного с запозданием, присела перед вошедшими в подобающем реверансе. Мужчины, небрежно махнув рукой склонённому Райтену и разрешив ему распрямится, подошли к девушке, которая стояла склонившись, ожидая высочайшего позволения разогнуть спину.

– Можете подняться, дитя моё, – раздался мягкий голос, и Лаатая медленно выпрямилась, впрочем продолжая глядеть себе под ноги, не смея поднять взгляд на вошедших. – Скромна, это похвально, – продолжил тот же мужчина. – Скажи нам, как тебя звать?

– Лаатая Райтен, – ответила девушка, по-прежнему глядя в пол.

– Лаатая, – повторил мужчина, – красивое имя, – и он подошёл ближе. – Подними лицо, дитя моё.

Лаатая подняла голову, отчаянно желая, чтобы новообретённая чёлка скрыла плебейскую шишку. Мужчина взял девушку за подбородок двумя пальцами, немного повернул лицо, изучая его, посмотрел на второго вошедшего, затем

опять на неё, приподнял рукой чёлку и хмыкнул. Лаатая поняла, это провал. Сейчас он скажет Райтену, чтобы тот убирался из дворца и больше никогда не смел показываться здесь с таким убожеством. Что тогда с ней сделает этот ужасный человек? Смерть может показаться избавлением. Страх крепко сжал её сердечко своими липкими противными щупальцами, побежал холодной струйкой по спине, сдавил пострадавший лоб, взорвавшись болью в злосчастной шишке, а затем тёмной завесой накрыл сознание.

В нос настойчиво проникал запах мясного бульона и свежеиспечённого хлеба. Желудок девушки мгновенно откликнулся и радостно заурчал. Лаатая открыла глаза. На столике рядом с кроватью, на которой она лежала, стоял поднос, заставленный тарелками с восхитительным содержимым. И Лаатая решила. Пусть её выгонят, но уедет она отсюда сытой, и с удовольствием принялась за еду. Только после того, как наелась, девушка смогла оглядеться.

Она лежала в мягкой постели, застеленной тонким льняным бельём, приятно пахнущим лавандой. Кто-то снял с неё платье, оставив в нижней рубашке. За широкими окнами, сейчас прикрытыми бежевыми портьерами, золотистый рисунок которых отражал тёплые блики нескольких свечей, было темно. Мягкий уютный диванчик светло-коричневого бархата и два таких же кресла у не горящего по случаю летней погоды камина, тёмная шкура на полу между ними, массивное

зеркало в янтарной оправе, инкрустированный янтарём столик перед ним, заставленный баночками, шпильками и расчёсками с удобной банкеткой рядом. На полу лежал пушистый ковёр, рисунок которого, насколько могла рассмотреть Лаатая в неверном свете свечей, перекликался с рисунком портьер. Дальше за камином была заметна ширма, обтянутая шёлковой тканью с росписью явно эльфийского происхождения.

Девушка никогда не видела столь богато обставленных помещений. Неужели её разместили в спальне самого короля? И он будет делать с ней то, что Райтен проделывал позапрошлой ночью? Лаатая содрогнулась от омерзения. Пока в комнату никто не зашёл, она заглянула за ширму, надеясь найти там посудину для справления нужды. За ширмой оказались две двери, одна вела в гардеробную с абсолютно пустыми полками и перекладинами. А вот заглянув за вторую, Лаатая обомлела. В комнатке за дверью находилась огромная ванна, над которой хищно раскрыли свои пасти две головы бронзовых драконов, а в углу, похоже, именно то, что она так настойчиво искала.

Когда Лаатая, приведя себя в порядок и умывшись, вышла из-за ширмы, то в комнате обнаружила двух одинаково одетых горничных, которые представились ей как Тиса и Ниса.

– Мессина, – обратилась к ней одна из них, – простите, что не заметили, когда вы проснулись. Позвольте помочь вам одеться и причесать вас, – и она подхватила роскошное пла-

ть, которого раньше в комнате не было.

Ошеломлённая Лаатая позволила расторопным горничным снять с неё прежнюю рубашку и панталоны, а затем надеть сначала совсем короткие облегающие штанишки, поверх них мягчайшие кружевные панталончики чуть ниже колен и такую же нижнюю рубашку. Затем на ней безжалостно затянули корсет, и уже после натянули самое красивое платье, которое девушка видела в своей жизни. Тёмно-зелёного бархата, расшитое золотой нитью, гармонирующей с её медовыми волосами, которые горничные тщательно расчесали и позволили свободными волнами сбегать по спине, платье просто поразило Лаатаю. Какую же услугу с неё потребуют за это богатство?

– Мессина, позвольте мы вас проводим, вас уже ждут, – проговорила одна из горничных, и они втроём вышли из комнаты.

Девушки быстро прошли по абсолютно пустым коридорам, затем остановились перед ничем не примечательной дверью, и одна из горничных постучала. Дверь открыл всё тот же молчаливый молодой человек, который встречал их с отцом. Молчун, как про себя звала его девушка, пропустил Лаатаю внутрь и закрыл дверь, после чего подошёл к противоположной двери, осторожно постучал в неё и, дождавшись разрешения, скрылся за ней. Не успела Лаатая позволить панике полностью накрыть её, как их тихий провожатый вышел и пригласил её проследовать в кабинет.

В кабинете находились всё та же пара мужчин. Король и, судя по внешнему сходству, скорее всего его брат. Девушка удивлённо огляделась в поисках Райтена. Его здесь не было. Неужели этот негодяй продал её сразу двоим и трусливо сбежал, получив свою награду?

Лаатая отчаянно прижалась спиной к двери. Ну что она могла сделать против двоих взрослых мужчин? А король, как говорят, ещё и сильный маг.

– Лаатая, милая, ты боишься?

Первым порывом было сказать "Нет", но ведь это было не так. Она боялась, ещё как боялась!

– Что вам от меня нужно? И где месс Райтен? – решила спросить она вместо ответа.

– Мы всё тебе расскажем, но сначала нужно кое-что проверить, чтобы убедиться в словах месса Райтена. Ты позволишь?

Как будто можно сказать королю "нет", усмехнулась про себя Лаатая.

– Лаатая, девочка, поверь, это очень важно. От этого зависит процветание и безопасность нашего королевства! – высокопарно произнёс король.

– Безопасность, говорите? – ухватилась за слово Лаатая. – Тогда вы мне должны пообещать кое-что взамен!

– Смышлёная девочка, – король весело глянул на до сих пор молчавшего брата. – Говори, что же ты хочешь, малыш-

ка? Ещё платье, украшений?

– Я хочу, чтобы тот мерзкий человек больше никогда не касался моей мамы! – одним духом выпалила Лаатая.

– Он обижал её? Он... он дотрагивался до тебя?! Что, скажи, что он с тобой делал?! – почти закричал король, увидев, как густо, до слёз, покраснела девушка после его вопроса. – Каалет, распорядись, чтобы негодяя нашли и вернули, – распорядился он, и брат короля вышел, плотно прикрыв за собой дверь.

– Лаатая, я понимаю, как это неприятно тебе, но пойми и ты меня, это действительно очень важно. Сейчас ты пройдёшь в эту комнату, – он указал на ещё одну дверь, – и тебя осмотрит повитуха. После этого мы сможем продолжить наш разговор.

Король сам открыл дверь и подождал, пока девушка скроется за ней. Там уже ожидала опрятная немолодая женщина. Она велела Лаатае снять панталоны и нижние штанишки и сесть в кресло. Затем сама ловко задрала её юбки и раздвинула ноги. Лаатая всхлипнула.

– Не бойся меня, я ничего тебе не сделаю, – успокаивающе сказала она, – просто посмотрю, здорова ли ты.

После этого она стала внимательно смотреть туда... куда лез своими потными гадкими пальцами Райтен. Затем повитуха удовлетворённо кивнула сама себе, поднялась и разрешила одеться. Когда Лаатая привела себя в порядок, женщина провела её обратно в кабинет, где их ожидали король и

его вернувшийся брат и сообщила:

– Девица невинна.

Послышался двойной вздох облегчения, и король взмахом руки отпустил женщину.

– Дитя моё, – обратился к Лаатае король, – остался ещё одна небольшая проверка, и мы всё тебе откроем. Закрой глаза, так тебе будет проще.

Девушка послушно закрыла глаза, ощутила, что её взяли на руки и сделали шаг. Она безотчётно обняла за шею подхватившего её мужчину, резко открыла глаза и удивлённо огляделась, продолжая прижиматься к держащему её Каалету Ниянерену. Они находились в совершенно другом помещении, стены которого были полностью покрыты янтарной мозаикой. От них исходил тёплый приятный для глаз свет. Неужели это зал янтаря судьбы? Даже в самых смелых мечтах Лаатая не порывалась попасть сюда. И уж тем более не на руках младшего брата короля.

Она восторженно осматривалась по сторонам, пока её взгляд не остановился на полуутопленной в стене статуе нагой женщины в натуральную величину. Милостивая Владелица Янтарных Чертогов, догадалась Лаатая. Богиня как бы выходила из стены в зал, а в её протянутых руках лежал огромный, сияющий своим внутренним светом, янтарь судьбы. Каалет осторожно поставил её на ноги, и Лаатая, как замороженная пошла к скульптуре. Камень в руках богини был прозрачный, с красным отливом. Подойдя ближе, Лаа-

тая рассмотрела в нём пустую полость, внутри которой находился янтарь меньшего размера цвета благородного воска. Девушка осторожно дотронулась до камня судьбы одним пальчиком. Янтарь слабо мигнул, как бы приглашая её, и Лаатая легонько провела ладонью по его гладкой поверхности, затем положила на него и вторую руку. От камня исходило осязаемое приятное тепло, как будто от материнской груди. Янтарь нёс в её мятущуюся душу мир и успокоение. На миг девушка увидела своё будущее, в котором у неё всё сложилось прекрасно. Она улыбнулась королевскому камню, отняла от него руки, затем повернулась к молчавшим до сих пор мужчинам.

– Спасибо! Спасибо за то, что позволили прикоснуться к чуду! – восторженно произнесла она.

– Камень принял тебя, Лаатая, – произнёс младший брат короля, подошёл к девушке и осторожно прикоснулся к её щеке.

– Что это может означать? – спросила она.

– В тебе течёт кровь королей Каанеты, – ответил Каалет на её недоуменный вопрос.

– Кто-то из моих родителей ваш родственник? – переспросила девушка.

– Нет, Лаатея, – брат короля вздохнул поглубже, – ты моя дочь.

– Но... как такое может быть. Мама... Райтен... мои братья и сёстры.

– Моей дочерью являешься только ты. Райтен женился на твоей матери, когда она была беременна тобой.

– Но... как же вы допустили такое? Этот мерзавец всю жизнь издевался над ней! Он и меня привязал к столбикам кровати! Ударил меня плетью! Кричал, что я такая же шлюха, как и моя мать! За что?! За что вы обрекли нас на такое?! Ненавижу! Вы! Вы во всём виноваты! – Лаатая в бессильной злобе колотила новоявленного отца кулачками по груди, а тот молча сносил её истерику, успокаивающе гладил по спине и шептал ласковые слова.

– Поплачь, поплачь, девочка. Я обещаю, негодяй ответит за каждую твою слезинку. Я знаю, нет мне прощения, но... прости.

Он подхватил рыдающую девушку на руки и сделал шаг вперёд. Лаатая поняла, что они перешли в другое помещение, но слёзы застилали глаза, и она не обращала внимания на обстановку.

Неизвестно сколько проплакала на руках второго человека в государстве его дочь, но постепенно слёзы иссякли, и Лаатая огляделась. Они расположились в кресле около уютно потрескивающего камина, тепло от которого приятно окутывало дрожащую девушку.

– Мне было семнадцать лет, – начал свой рассказ Каалет, – твоей матери – девятнадцать. Тогда нам казалось, что наша любовь вечна, но у моего отца были на меня совершенно другие планы. Король бриллиантового Тораза объявил о выборе

жениха для его дочери, и мой отец пожелал испытать мою удачу там. Он сообщил мне, что моя возлюбленная Лаэса сбежала с бравым гвардейцем Легааром Райтеном. Я помнил, с какой жадностью тот всегда заглядывался на неё, протодушно поверил в эту ложь и даже не пытался связаться с ней. Зачем? Моя любимая с другим? Но она счастлива с ним, и это главное. И я с тяжёлым сердцем поехал в Тораз. Бриллиант судьбы равнодушно проигнорировал моё прикосновение, и я вернулся домой. Иногда до меня доходили сведения, что Лаэса родила ещё одного сына или дочь, после чего я напивался вдрызг и в очередной раз пытался забыть её.

О том, что первый ребёнок Лаэсы мой, знали только мой отец, его доверенный помощник Тирэй и, конечно же, Райтен, которому даровали поместье и дворянство за его молчание. Отец умер, так и не признавшись мне в содеянном. А недавно к его величеству заявился совсем уже дряхлый мессин Тирэй и сознался в том, что у меня есть дочь брачного возраста.

Младший Ниянерен замолчал.

– Зачем я вам нужна? – прямо спросила его Латя.

– Понимаешь, – Каарен замялся, – нам поступило предложение, от которого невозможно отказаться. Причём невозможно буквально. Либо мы принимаем его, либо Каанету ожидают очень непростые времена. Рубиновый Санахо является очень важным нашим торговым партнёром. Они владеют богатейшими шахтами, почти весь металл нам поставля-

ется из Санахо. А это оружие, в Санахо работают непревзойдённые кузнецы, даже поговаривают, что санахскому Повелителю служат легендарные гномы. Сельхозорудия, все решётки на стенах наших замков выкованы из их металла. В общем, мы сильно зависим от них и просто не можем отказать Повелителю в его единственной за долгое время просьбе.

Лаатая молча смотрела в глаза человека, который уже один раз бросил её и собирался продать второй раз. Она не собиралась облегчать его задачу. Пусть он сам скажет это. Каалет вздохнул и продолжил.

– Видишь ли, в Санахо тоже не всё гладко. И вот их мудрецы откопали древнее пророчество, в котором говорится, что невинная янтарная дева спасёт Рубин. Они прислали послов с просьбой отдать в жёны Повелителю Санахо одну из дев королевской крови.

– Вот и отдавайте дев королевской крови, их у короля трое! – решительно заявила Лаатая.

– Понимаешь... – замылся Его Высочество, – наследница Янаита уже обручена, младшая Паата ещё слишком мала, ей нет ещё четырёх лет. А его вторая дочь Таанита... уже не дева, – вздохнул Каалет. – А невинность невесты – одно из условий посланцев Санахо.

Младший брат короля замолчал. Молчала и Лаатая. Она вспоминала всё, что знала о загадочном Санахо. Поговаривали, что мужчины там жгуче-красивы и, зная это, разгули-

вают по улицам в одних широченных штанах. Дескать, чем богаче или сильнее мужчина, тем шире штаны. А женщины покорно семят за ними, укрывшись с головы до пят в бесформенные непроницаемые накидки.

– Но... – Лаатая вскинула голову, – у Повелителя Санахо уже есть несколько жён?!

– Да, это так, – нехотя признался новообретённый отец, – в Санахо принято многожёнство. Точнее, их институт брака так запутан, что никому за его пределами точно неизвестно настоящее положение дел.

– И кроме меня у вас никого нет, я так поняла?

– Если ты откажешься, остаётся ещё Паата, – тихо сказал Каалет.

– Если я откажусь, вы вернёте меня Райтену? – решила выяснить Лаатая.

– Нет! Этот мерзавец получит то, что заслужил. Ты останешься при дворе, со мной.

– В качестве кого?

– В качестве дочери, – решительно заявил его высочество. – Мы подберём тебе выгодную партию, ты выйдешь замуж и будешь счастлива.

– Так или иначе выходить замуж, – задумчиво проговорила девушка. – У меня есть время подумать?

– До полудня. В полдень мы должны дать ответ, – ответил младший Ниянерен, глядя в окно, за которым начинал алеть новый рассвет.

Каалет сам проводил дочь до её покоев и, пожелав спокойного отдыха, удалился. Поджидавшая горничная помогла девушке раздеться, и Лаатая забылась тревожным сном, ей снилось, что она убегает по незнакомому дворцу от жгучих красавцев в широченных красных штанах с жуткими плётками в руках, глаза её при этом были завязаны чёрным шелковым шарфом, а всю одежду девушки составляет пыльный холщовый мешок, скрывающий тело с головы до пят.

– А правда, что она заработала эту шишку, когда боролась с врагами нашего королевства? – сквозь дрему услышала Лаатая детский голосок.

– Ну где ты услышала такое, Паати?! – возмущённо ответили ей.

– Утром я сама слышала, как папа сказал, что только эта девочка сможет спасти нас! Значит, она боролась с ужасными чудищами, вот!

Лаатая открыла глаза. Возле её кровати стояла девушка примерно её лет и удерживала за руку маленькую девчушку. По тому, как они были схожи между собой и одновременно с его величеством, Лаатая сделала вывод, что это младшие дочери короля Таалота.

– Наконец-то проснулась, – заявила та, что постарше. – Нария, неси нашей гостье завтрак, – распорядилась она.

В комнату вошла одна из вчерашних горничных, неся огромный поднос с завтраком, рассчитанным на троих. Сест-

рицы дружно подсели к столу, и старшая по-хозяйски стала разливать по прозрачным фарфоровым чашечкам тягучий напиток, который она назвала шоколадом.

– Мы уже завтракали, – пояснила она удивлённо молчавшей Лаатае, – но кто же в здравом уме откажется от такой вкуснятины! Я – Таанита, – пояснила она, – а мою сестрёнку можешь называть Паати, её все так зовут.

Младшая принцесса согласно кивнула, запивая шоколадом второе воздушное пирожное.

– А ты Лаатая, да? – продолжала свой монолог вторая принцесса. – Да, мы всё подслушали. Тебя хотят отдать замуж за санахского Повелителя. Я видела его посланника, – Таанита закатила глаза к потолку, – такой краса-авчик! А ещё говорят, что они живут большими семьями, по несколько жён и мужей! Эх, и сглупила же я! Сейчас бы уже собиралась в Санахо. Ну, сделанного не воротишь, и все рубины Санахо достанутся или тебе или нашей малышке Паати. Паати, тебе нравятся рубины? – спросила она притихшую сестрёнку.

– Не очень, – замялась девочка, – больше мне нравятся мои янтаринки. И... Таани, – шепнула она, – посланник такой большой, я... боюсь его.

– Эх ты, маленькая глупышка, это хорошо, что большой, значит, И... – она скептически посмотрела на своих собеседниц, – всё хорошо, – оборвала она начатую фразу, – хотя тебе ещё совсем рано задумываться над этим.

– Ты привела её для того, чтобы я пожалела ребёнка и согласилась ехать в Санахо вместо неё? – были первые слова Лаатаи.

– Да! – выкрикнула вторая принцесса. – Да! Я по глупости лишилась того, что так ценится в этом забытом Милостивой Владелицей Санахо! И теперь малышка Паати должна ответить за мой грех! Самое обидное, что я действительно хотела бы оказаться там, – понуро закончила она, – но... не судьба. Буду покорно ожидать, пока папенька не подберёт мне кого-нибудь попроще, того, кто за определённые привилегии согласится взять замуж принцессу... с изъясном. Эх, да что ты понимаешь, – она махнула рукой, подхватила малышку за руки и поспешно вышла из комнаты.

В дверь сразу же зашли обе горничные, присели в дежурных книксенах и стали поспешно одевать Лаатаю. Девушка пробовала сопротивляться, ведь никогда раньше никто не помогал ей в этом деле, но детали принесённого служанками туалета были настолько сложны и загадочны, что в конце концов, она махнула рукой и позволила им делать то, в чём они разбираются намного лучше новоиспечённой принцессы, лишь изредка поворачиваясь и приподнимая то руку, то ногу по их просьбе.

– Передайте Его Высочеству Каалету, что я хочу его видеть, – попросила она горничных после того, как они закончили.

Одна из девушек, кажется Ниса, с готовностью присела и вышла. А Лаатая прошла к широкому окну гостиной и стала разглядывать парк, простирающийся внизу. Ровные ряды идеально подстриженных кустов, благообразные клумбы с ухоженными розами, огромными гортензиями и роскошными лилиями, прямые дорожки, по которым чинно прохаживались прекрасные дамы и их галантные кавалеры. Сможет ли она, Лаатая, существовать среди них, так же величаво носить эти пышные платья и высокие напомаженные причёски, небрежно обмахиваться веером и, делая вид, что споткнулась, быстро передавать что-то в руку поддержавшего её кавалера, как та томная дама в светло-зелёном? Где её место? В этом полусказочном парке, в пансионе мессы Латирры, или в поместье ненавистного Райтена, которое он заработал тем, что женился на бывшей возлюбленной младшего принца, а потом с неиссякаемой злобой мстил ей за давнюю оплошность? Ей, а затем и её дочери. Или... Лаатая вспомнила свой жуткий сон и зябко поёжилась.

Посланник рубина заявил, что она дева из их пророчества. Может, они не будут привязывать её к столбикам кровати, бить плёткой и... лезть руками "туда", а затем тереться чем-то ужасным между грудей? А может, им нужна дева, чтобы скормить её какому-нибудь чудовищу?! И тем самым спасти рубин?

Неизвестно, какие ещё ужасы напридумывала бы девушка, но дверь отворилась, и вошёл Его Высочество Каалет. Ла-

атая присела перед ним. Брат короля поспешно подошёл к дочери и осторожно поднял.

– Не нужно этого делать, моя девочка, – мягко попросил он, провёл её к диванчику и усадил на него, устроившись рядом. – Ты звала меня?

– Да, – несмело откликнулась девушка. – Ваше Высочество, скажите, в чём заключается пророчество рубиновых?

– Нам это точно неизвестно, посланник только сообщил об упоминании в нём невинной девы из янтарного королевства, а что тебя беспокоит?

Что беспокоит, что беспокоит. Да всё! Но Лаатая дипломатично ответила:

– Я бы всё же хотела знать, что меня там может ожидать?

– Повелитель Санах просит руки одной из дев королевской крови, то есть он намерен жениться на тебе.

– Значит, они не отдадут меня на растерзание чудищу?

– Ну что ты, милая, какие чудища? Как бы ни был силён Санахо, но они не посмеют обидеть тебя. В тебе течёт кровь янтарных королей!

– Райтен посмел, – упрямо возразила Лаатая.

– Родная, это моё упущение и моя вечная вина и боль. Негодяя поймали и вернули. Если ты хочешь, его сегодня же казнят, его судьба теперь в твоих руках.

– Нет! – испугалась девушка. Ещё никогда ей не приходилось распоряжаться судьбами других людей. – Смерть... это навсегда. Можно, чтобы он испытал то же, что проделывал

с мамой и мной?

Его Высочество нехорошо усмехнулся.

– А ты подала замечательную идею, дочка. Пожалуй, её стоит принять на вооружение. Я тебе клянусь, Райтен испытает всю гамму острых ощущений, я лично отдам распоряжение начальнику тюрьмы, чтобы он проследил за удовольствиями бывшего месса Райтена.

– Значит, меня теперь ничто не держит в Каанете. ваше высочество, я согласна отправиться в Санахо, – торжественно заявила она, вставая.

Младший брат короля тоже подскочил с диванчика, взял Лаатаю за обе руки, а затем опустился на колени, немного напугав этим девушку.

– Спасибо. Спасибо и... прости. Прости за то, что сделал и за то, что не сделал для тебя. Прости, дочка, – тихо повторил он.

Видя, как тяжело даются эти слова незнакомому в общем-то человеку, который по странной прихоти судьбы оказался её отцом, Лаатая отвернула лицо к окну, не желая, чтобы он видел слёзы, бегущие по щекам и произнесла:

– Я хочу побыть одна.

Каалет Ниянерен поднялся, провёл пальцем по мокрой щеке дочери, затем легонько поцеловал её в макушку и быстро вышел из комнаты.

Через некоторое время в покоях Лаатаи появились Тиса и

Ниса, а с ними ещё куча взволнованных женщин. Они принесли с собой несколько коробок и суетливо стали их распаковывать, аккуратно перебирать лежащие там платья ловкими руками в лёгких нитяных перчатках.

– Ваше сиятельство, – обратилась одна из них к Лаатае, которая не сразу поняла, что обращаются именно к ней, – нам велено одеть вас. Вы позволите?

Как во сне девушка прошла в ванную комнату, где её ловко раздели, затем уложили в ванну, в которую добавили целый флакон драгоценного розового масла, долго натирали и полировали её тело и волосы. Причём головой, руками и ногами занимались отдельно сразу три мастерицы. А в конце ещё одна женщина полностью удалила все волосы с её тела, сказав, что в рубиновом королевстве это является нормой. И, лишившись поросли {там}, Лаатая почувствовала ещё большую свою незащищенность. Даже после того, как на неё надели эти странные коротенькие штанишки, она остро ощущала мягкие и, стыдно, но стоило признать, приятные шёлковые прикосновения.

Дальше пришла черед коротенькой же нижней шёлковой рубашки, едва прикрывающей эти самые штанишки. Затем последовали тугий корсет и несколько воздушных пышных юбок. После них женщины надели на неё нижнее платье, в точности повторяющее цвет внутреннего камня янтаря судьбы, цвет чистого благородного воска. И уже поверх него было надето второе платье, как можно было догадаться, оно было

прозрачным, с янтарно-красным отливом.

Руки и плечи Лаатаи оставались абсолютно открытыми, что несказанно смущало девушку, привыкшую к строгим платьям пансиона мессы Латиры. А ещё её приводило в смятение отсутствие длинных панталон. Ноги казались голыми даже под ворохом юбок. Это было необычно и... волнующе. Ну как можно при таком количестве одежды чувствовать себя вызывающе раздетой?! Неужели у всех тех красавиц, томно дефилирующих по парку, тоже нет панталон? И, если случайно приподнимется юбка, хотя бы когда приходится идти по ступеням, то окружающие могут заметить ноги?!

Меж тем расторопные помощницы усадили Лаатаю на пуфик перед зеркалом и принялись за её волосы. Когда распорядительница месса Миата увидела желтеющую шишку под низкой чёлкой, женщине чуть не стало плохо. Она немедленно послала одну из горничных за придворным магом и лекарем, которые не замедлили явиться на её зов. Мужчины внимательно осмотрели повреждение, после чего лекарь смазал шишку вонючей мазью, чем вызвал недовольное шипение мессы Миаты, затем придворный маг прижал ко лбу Лаатаи ладони с зажатым в них янтарём, от которых к голове девушки пошло приятное тепло и одновременно расслабляющее умиротворение. Он подержал руки пару минут в таком положении, затем убрал их, полюбовался на свою работу и поинтересовался её состоянием.

– Спасибо, мне... намного лучше, – благодарно ответила

ему девушка, с удивлением поняв, что она и вправду успокоилась.

После ухода мужчин, полностью избавивших Лаатаю от предательской шишки, женщины накинулись на её волосы. Они расчёсывали и укладывали ещё влажные прядки, скалывали их миниатюрными заколками, а в конце торжественно водрузили на голову ажурную диадему, вырезанную из цельного куска янтаря, которую месса Миата осторожно вынула из принесённой ей собственноручно шкатулки.

Лаатая настороженно разглядывала отражающуюся в зеркале красавицу. Тонкая талия, высоко поднятая корсетом и достаточно открытая грудь, белые плечи и шея, гордо держащая голову. С лица исчезло выражение детской непосредственности, как будто она поняла что-то важное, то, что открыло ей дорогу в мир взрослых, навсегда оставив детство в прошлом.

Месса Миата, критически осмотрев её с головы до кончиков атласных туфель, удовлетворённо кивнула и вышла из комнаты, быстро вернувшись в сопровождении его высочества Каалета. Он сделал знак рукой, и все женщины вышли, оставив отца и дочь наедине.

– Какая ты у меня красавица! – восторженно выдохнул он. – Ни одна принцесса не сравнится с тобой! Девочка моя, ещё не поздно, скажи, и я отменю сделку! Ты достойна самого лучшего!

– Что может быть лучше, чем быть королевой... папа. Мне

всё равно, за кого выходить замуж. Я готова, – ровно, без единой эмоции произнесла Лаатая и направилась к двери.

– Подожди, – окликнул её отец. – Это просил передать тебе твой жених.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.